

Т.Е. ЯНКО

ОБРАЩЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ДИСКУРСА¹

Речевому акту обращения посвящена большая литература. Основная захватывающая внимание лингвиста черта обращений – их высокая идиоматичность. Почему слова *шофер* и *водитель* с близкой семантикой имеют различный вокативный потенциал, ср. *Водитель! Откройте заднюю дверь!* vs. **Шофер! Остановите у светофора!*? Почему, если в аудитории более одного слушающего, мы обращаемся к ней со словами *Друзья!*, *Коллеги!*, *Ребята!*, *Девочки!*, *Мальчишки!*, *Господа!*, *Офицеры!*, но не *Гости!* (а только *Дорогие гости!*), *Соседи!*, *Родственники!*, *Студенты!*? Как выбрать вежливую форму обращения к незнакомцу: *Молодой человек!* или *Извините!*? Почему в обращениях к удаленному слушающему акцентируется последний слог, а не ударный (ср. *Василий Федорович!*² *Ау-у!*)? Почему, если мы обращаемся к слушающему с легким упреком, акцентируется первая словоформа его имени или титула (*Марья Ивановна, ну как же так?!*; *Ваша честь, ну как же так?!*), а если с резким возмущением – то последняя (*Марья Ивановна, прекратите это безобразие!*; *Ваша честь, вы же осуждаете невинного!*)? Как говорящему смириться с тем, что единственный способ обратиться к слушающему по наименованию его роли в ситуации, даже если эта роль специально концептуализуется как роль слушающего – *радиослушатель*, *зритель* или *телезритель*, это добавив к имени второго лица вокативную формулу *дорогой* (или *уважаемый*), несмотря на то, что слушающий не всегда действительно дорог говорящему (ср. *Дорогие радиослушатели!*, *Уважаемые абоненты радиотрансляционной сети!*, но не *Радиослушатели!*, *Телезрители!*, *Пассажиры!*)?.

Большинство проблем, связанных с анализом обращений, в частности, идиоматичность обращений как объекта лексикографии, а также анализ иллокутивных сил, сопутствующих обращениям, освещены во влиятельной работе А. Цвикки [Zwicky 1974] и в работах Э. Щеглова, на которые опирается А. Цвикки [Schegloff 1968; 1972]. Важные семантические и прагматические параметры обращений рассмотрены А.М. Пешковским [1956: 407]. Интонации обращений посвящена практически всеохватная – по обзору просодических вокативных типов – статья С.В. Кодзасова [1998]. Уникальные фонологические свойства – возможность не-оглушения конечной согласной и особая

¹ Работа над темой финансируется Российским Государственным гуманитарным фондом, проект 09-04-00106а.

² Акцентированные слоги и словоформы здесь и ниже выделяются полужирным шрифтом.

слоговая структура нового русского вокатива (*Федь!* [fedʲ]; *Мам!*) – рассматриваются в работах [Yadroff 1996; Панов 1997]. Новый русский вокатив как объект морфологии и теории падежа анализируется в работах [Spencer, Otaguro 2005; Corbett 2007; Daniel, Spencer (to appear)]. Социальные проблемы формирования обращений в разные исторические эпохи, в частности, русский вокативный политес служили предметом многих работ, см. например, наиболее детальный анализ социолингвистических проблем, связанных с обращениями, в статье [Rathmaug 1992] и в цитированной там литературе. Функции обращений в художественном тексте, где они могут утрачивать свою вокативную силу и приобретать характеризующую роль, анализируется в главе, которая специально посвящена поэтическим обращениям, книги И.И. Ковтуновой [1986], ср. *О Волга! Колыбель моя!*; *Вы, чьи широкие шинели напоминали паруса...*; *Волшебного шептанья полный лес!*. Можно заключить, что обращения достаточно хорошо исследованы в лингвистике. В нашей работе мы остановимся на некоторых проблемах, не получивших освещения в известной нам литературе. Это интонация и порядок слов в более чем однословных обращениях. В частности, 1) одна из наших целей – показать, что известные интонационные типы, выделяемые для описания обращений (см. например [Кодзасов 1998]), в которых иллокуция вокатива компонуется с дополнительными иллокутивными силами или специальными условиями протекания речевого акта, такими как выражение возмущения, умиления, угрозы, поиска, пространственной близости, психологической дистанции и др., не служат просодиями собственно обращений, а маркируют эти стоящие за обращениями иллокутивные силы, состояния говорящего и диспозицию говорящего и слушающего в пространстве и социуме. Для демонстрации этого мы покажем, что в соседних обращении и следующем за обращением речевом акте другого типа, например в императиве, просодии могут повторяться, если за обоими речевыми актами стоит объемлющая иллокутивная сила, как в паре дальней апелляции *Люди добрые-е! Помогите-е!*, где обращение *Люди добрые!* и императив *Помогите!* характеризуются одной мелодикой с учетом наложения интонационного контура на соответствующий сегментный материал. Аналогично, в паре *Вася! Смотри у меня!*, которая сопровождается жестом «погрозыть пальцем», у обращения *Вася!* и у соседней реплики предостережения от опрометчивых действий *Смотри у меня!* (*Смотри!*; *Смотри мне!*) одна и та же интонационная модель. 2) Другая наша цель – рассмотреть выбор акцентоносителя в более чем однословных обращениях, ср. *Молодой человек!* vs. *Молодой человек!*, *Марья Ивановна!* vs. *Марья Ивановна!*. На возможный сдвиг акцента на первую словоформу обращения – *Марья Ивановна!* – обратила внимание Н.Д. Светозарова [1993]. Подобным сдвигом характеризуются не все языки. Так, по нашей

предварительной оценке в английском языке в том виде, как в русском, сдвиг акцента на первую словоформу имени не представлен. Таким образом, вопрос о выборе акцентоносителя в обращениях в англистике, и между тем, также и в русистике, насколько нам известно, никогда не ставился. Мы надеемся выяснить, чем определяется этот выбор и как он соотносится с базовым – дефолтным – выбором акцентоносителя в русском именной группе вообще. 3) И наконец, мы обратимся к особенностям порядка слов в обращениях, выражающих чувства говорящего – умиление или, наоборот, презрение, таких как *Радость ты моя ненаглядная!*, *Ненаглядная ты моя радость!*, *Дубина ты стоеросовая!*. Эти обращения характеризуются нестандартным порядком слов и выбором носителей акцентных пиков. Этот вопрос, насколько нам известно, в литературе по обращениям тоже ранее не освещался.

1. Обращения в контексте сопутствующих им иллокутивных сил

Выше при постановке задачи мы показали, что обращение и следующие за ним реплики одного говорящего могут характеризоваться одинаковыми акцентными моделями, если их объединяет общее иллокутивное намерение говорящего, такое как стремление позвать слушающего, находящегося на существенном удалении, или пригрозить. Остановимся на ситуации, когда говорящий зовет слушающего, находящегося далеко, более подробно. Можно заметить, что при зове слушающего на его имени, независимо от длины слова – ср. *Ма-акс!* vs. *Виктория Сигизмундовна-а!* – фиксируется одна и та же акцентная кривая, которая характеризуется примерно одинаковым временем звучания. Время звучания определяется гипертрофией последнего безударного слога. Если заударный слог отсутствует, как в *Макс!* или *Джон!*, он искусственно создается при артикуляции за счет растяжения ударного слога и разделения его на две части гортанной смычкой или амплитудным перепадом³: *Ма-акс!*. Таким образом, в данном случае акцентный пик строится с ориентацией на заударный слог, при том что коммуникативно релевантные акценты, маркирующие другие типы речевых актов или их компоненты, фиксируются, наоборот, на ударных слогах слов-акцентоносителей. В более чем однословных обращениях при дальней апелляции словоформой-акцентоносителем оказывается последняя словоформа в линейной цепочке словоформ, и в частности, ее последний заударный слог. Таким образом, мелодика накладывается здесь на сегментный материал совершенно идиоматично, т.е. «поется как песня» по образному выражению (возникшему,

³ Графики изменения частоты тона, амплитуды и другие показания приборов мы здесь опускаем. Читатель найдет их в нашей работе [Янко 2008: 98-106].

однако, по другому поводу) знаменитой исследовательницы английской просодии Дж. Пьерхамберт⁴. Совершенно аналогично интонируются и императивы, нацеленные на зов слушающего в условиях пространственной удаленности: *Спасите-е! Помогите-е! Сюда-а! Скорее-ей! Обедать! Ау-у!* Из этого следует, что рассмотренная выше просодия дальней апелляции – это не просодия собственно обращений, потому что она характеризует и другие типы речевых актов, совершающихся в условиях пространственной удаленности.

Обратимся к особому типу апелляции к слушающему в условиях, когда говорящий не знает, слышит ли его слушающий. Этот вокативный тип тоже ориентирован на последний заударный слог. Это зов в темноте, в лесу, в толпе, в прихожей дома, при том что слушающему неизвестно, на месте ли хозяева, призыв к спящему: *Ва-ся-я!*; *Хозяйка-а!* Этот вокативный тип, как правило, сопровождается частыми движениями глаз и головы справа налево и слева направо, имитирующими поиск. С.В.Кодзасов [1998] называет этот интонационный тип просодией пробуждения. Между тем здесь перед нами не всегда обращение к спящему, но к любому адресату, про которого неизвестно, слышит ли он говорящего, в частности, к такому адресату, который по предположению говорящего может просто отсутствовать: говорящий зовет слушающего, чтобы проверить, на месте ли он. Здесь последний заударный слог или его аналог, если заударного нет, характеризуется существенной растянутостью, нисходящим, но достаточно высоким тоном, при котором частотный минимум голоса говорящего в падении не достигается, т.е. падение завершается на достаточной высокой частоте. За падением следует ровный долгий на достигнутом уровне частоты в последнем слоге. Подобная просодия характеризует не только обращения, но и вопросы: *Есть кто-нибудь?; Кто та-ам?* (при разговоре из-за закрытой двери).

Близкая к мелодике зова в условиях поиска вокативная просодия реализуется и в упомянутых выше обращениях к нашалившему ребенку: *Вася! Смотри у меня!*. Здесь тоже реализуется конечный ровный высокий, но краткий, т.е. не такой растянутый, как при поиске, и завершается он гортанной смычкой: *Вася[ʔ]! Смотри[ʔ]!* (смычку мы изображаем знаком [ʔ]). Опять же общая просодия оформляет здесь обращение и следующим за ним квазиимператив *смотри!*.

Перейдем к обращениям-упрекам, которые характеризуются начальным акцентным пиком с акцентом на ударном слоге первой словоформы более чем однословного имени: *Марья Ивановна, ну как же так?!; Ваша честь, ну как же так?!* Здесь идиоматичность

⁴ Описание вокативных контуров английского языка можно найти в диссертации [Pierrehumbert 1980: 55—56, 94-96, 112, 115], и там же литература по теме.

проявляется, прежде всего, в сдвиге акцентоносителя на начальную словоформу. Для сравнения с общезыковым стандартом обратим внимание читателя на то, что в других типах речевых актов акцентоносителем именной группы типа «имя—отчество» служит отчество (*Меня зовут Марья **Ивановна***), а в именной группе «согласованное определение без зависимых—определяемое имя» – синтаксическая вершина, т.е. определяемое имя: *На карту поставлена ваша **честь***. Анализу иллокутивных сил и других смыслов, вызывающих фиксацию акцентного пика в начале vs. в конце линейной цепочки обращения, будет отдельно посвящен следующий раздел.

Масштаб данной статьи не позволяет привести все известные нам типы иллокуций и других смыслов, подобных пространственной удаленности или режиму поиска, при которых не только обращения, но и соответствующие вопросы и императивы интонируются единообразно. Поэтому здесь нам приходится ограничиться только приведением примеров, которых, однако, достаточно для того, чтобы показать, что анализируемые интонационные модели характеризуют не собственно обращения, а komponующиеся с обращениями вторичные иллокутивные силы, такие как упрек, угроза и другие прагматические смыслы.

2. Выбор словоформ-носителей акцентных пиков

В предыдущем разделе при анализе просодий обращений и следующих за ними в контексте дискурса вопросов и императивов, было показано, что в обращениях, отягощенных сопутствующими смыслами, такими как упрек, угроза, поиск (в лесу, в темноте, в большом доме), пространственная удаленность, базовый синтаксический принцип выбора носителя акцентного пика меняется на линейный. Поясним, что в обращениях *Марья Ивановна!*, *Молодой человек!*, *Ваша честь!* принцип выбора акцентоносителя понимается как линейный, потому что акцентный пик фиксируется на первой словоформе имени или титула, при том, что в предложениях *Меня зовут Марья Ивановна* и *На карту поставлена ваша **честь*** – представлен синтаксический принцип выбора акцентоносителя.

Синтаксический принцип выбора акцентоносителя основывается не на линейном упорядочении, а на синтаксических приоритетах. При синтаксическом выборе акцентоноситель от изменения порядка слов не меняется, ср.: *Мы ждем дорогих гостей* vs. *Мы ждем **гостей** дорогих*. Здесь при изменении порядка слов акцентоноситель, выбранный по синтаксическим правилам, сохраняется. Это словоформа *гостей*. (Правила выбора мы здесь не приводим.) В обращениях дальней апелляции, таких как *Марья*

Иванн-а-а!, также представлен линейный принцип, при котором акцентируется последняя словоформа имени. Заметим, однако, что результаты выбора при финальном интонационном пике статистически достаточно редко отличаются от тех, которые были бы получены при синтаксическом выборе. Это объясняется тем, что при стандартном – нейтральном – порядке слов акцентоноситель располагается в конце той коммуникативной единицы, которую маркирует соответствующая мелодика, поэтому в синтаксической структуре и при линейном упорядочении словосочетания, скажем, *молодой человек* и в силу синтаксического выбора, и в силу линейного упорядочения роль акцентоносителя играет словоформа *человек*: *молодой человек*. Таким образом, результаты синтаксического и линейного выбора в данном случае дают экстенционально тождественный результат.

Для того чтобы показать, что при дальней апелляции язык использует линейный принцип выбора акцентоносителя, рассмотрим минимальную пару – *Машенька милая-я! Ау-у!* – *Милая Машенька-а! Ау-у!*, которая показывает, что при изменении порядка слов акцентоноситель меняется: это последняя словоформа обращения. При синтаксическом выборе акцентоноситель остался бы прежним. О базовом – синтаксическом – принципе выбора акцентоносителя см. [Янко 2001: 69-85; Янко (в печати): 43 и далее]. В связи с базовым принципом заметим только, что в словосочетаниях акцентоносителем далеко не всегда служит синтаксическая вершина. В атрибутивных группах с несогласованным определением роль акцентоносителя играет определение: *пирожки с капустой*.

Таким образом, анализ обращений как речевых актов высокой идиоматичности показывает, что синтаксический принцип выбора акцентоносителя в языке не единственный и что обращения реализуют как минимум еще один принцип выбора акцентоносителя: линейный. Это важный факт синтаксической типологии. Что же касается выбора носителей акцентных пиков в режиме сдвига по сравнению с базовым принципом, то здесь мы ограничимся рассмотрением сдвигов только в классах обращений. Сдвиги в выборе акцентоносителей по сравнению с базовым принципом в других типах речевых актов, таких как сообщения и вопросы, тоже возможны. Они рассматриваются в [Янко 2008: 110].

Упомянутые выше обращения поэтической речи, лишённые собственно вокативной функции, например *Волшебного шептанья полный лес!*, не требуют акцентных сдвигов: они реализуются в режиме синтаксического принципа выбора акцентоносителя.

Перейдем к обзору типов обращений, реализующихся в режиме акцентного сдвига. Выше мы показали, что при дальней апелляции, в условиях поиска и в сопровождение жеста «погрозить пальцем» используются вокативы с акцентным пиком на последней

словоформе. Более того, акцентные пики в этих типах речевых актах ориентированы не на ударные слоги словоформ-акцентносителей, а на последние заударные вплоть до создания подобия такого слога, если заударные отсутствуют: *Марья **Иванна-а!***; *Вася-я!* *Василий **Петрови-ич!***. В контексте негодования или возмущения говорящего тоже акцентируется последняя словоформа, но с ориентацией акцентного пика уже на ударный слог: *Дежурный по **смене!*** *Безобразие!* *У вас утечка метана!*; *Молодой человек!* *Перестаньте хамить!* При легком упреке акцентный пик, наоборот, приходится на первую словоформу: *Марья Ивановна!* *Ну что это такое?!*, *Молодой человек!*; *Ну как же так?!*; *Ваша честь!* *Мы уже опаздываем.* Первая словоформа акцентируется не только в контексте легкого упрека, но также просто при ближней апелляции в условиях неформального общения между говорящим и слушающим: *Марья Ивановна!* *Вы идете обедать?;* *Дежурный по смене!* *Пройдите к пульту;* *Старшая сестра, подготовьте-ка мне документы на выписку.*

Далее. При обращении к адресату, который отворачивается, удаляется, не слушает или не слушается говорящего (*Василий **Петро-ович!*** *Ну куда же вы?!*) акцентный пик фиксируется на последней словоформе с привязкой уже к ударному слогу, но, как и при дальней апелляции, он основан на существенном удлинении артикуляции соответствующего гласного. Ср. эпизод из телефильма, в котором говорящий – милиционер – догоняет подозреваемого, своего знакомого, который продал ему подержанный автомобиль: «*Виктор **Ива-аныч!*** *Виктор **Ива-анович!*** *Ну куда же вы?!*», — кричит сыщик. Автомобильный спекулянт удаляется, милиционер продолжает погоню. *Уфф, Виктор Иванович!* – милиционер догнал Виктора Ивановича и, обращаясь к нему с укоризной, немедленно иконически перемещает акцент с отчества на имя: при ближней апелляции – здесь общение уже происходит лицом к лицу и в режиме легкого упрека – акцентоноситель смещается в начало.

Интересный материал для анализа выбора акцентоносителя обнаружен нами при работе с аудиозаписью фильма Э. Рязанова «Гараж», в котором некие два персонажа фигурируют не под своими христианскими именами и не под титулами, а под дескрипциями в списке приглашенных на собрание: это участница собрания, к которой председатель обращается как к жене Гуськова, и другая статистка, которая именуется как родственница дипломата: *Родственница дипломата, оставьте муравьеда, вы что не понимаете, что это экспонат?!* Здесь перед нами не более, чем юмористический прием автора текста: подобную апелляцию никак нельзя рассматривать при анализе русского вокативного политеса, так как с точки зрения вежливости эти обращения ненормативны. Однако они прекрасно иллюстрируют модель выбора акцентоносителя, ибо с

синтаксической точки зрения они представляют собой именные группы с несогласованным определением. В таких группах синтаксический принцип предписывает размещение фразового акцента на словоформе *Гуськова* (ср. *Пришла жена Гуськова*) и *дипломата* (*Пришла родственница дипломата*, ср. при изменении порядка слов акцентоноситель сохраняется: *Родственница дипломата пришла*). Между тем в обращениях при ближнем общении, особенно в контексте презрения и упрёка, акцентируются вершинные словоформы *жена* (***Жена*** *Гуськова, перестаньте паясничать!*) и *родственница* (***Родственница*** *дипломата, оставьте муравьеда!*).

2.1. Средства образования вокативных форм

Как уже говорилось выше, именные группы имеют закреплённый в языке культурно и исторически сложившийся вокативный потенциал. На это обратил внимание Э. Щеглов, анализируя английские слова *doctor* 'доктор' и *physician* 'врач' [Schegloff 1968], а также другие слова. Наблюдение Э. Щеглова полностью приложимо и к русской паре *доктор* vs. *врач*. Таким образом, лексема *доктор* – это образец «хорошего» вокатива, а *врач* – «плохого».

Языком разработаны регулярные способы образования обращений из лексем, у которых отсутствует собственный вокативный потенциал. К таким средствам следует отнести междометие *Эй!* и местоимение *Ты!*: *Эй, на барже!*; *Ты, придурок!*; *Эй ты, двоечник!*. Важным средством образования вокативов, с которыми в определенных социальных и исторических условиях можно обратиться к незнакомцу, служат формы диминутива: *Дружок!*; *Браток!*; *Сынок!*; *Мамаша!*; *Папаша!*; *Парнишка!*; *Хозяйюшка!*.

Мощным средством образования обращений служат вокативные слова *дорогой*, *уважаемый*, *многоуважаемый*, *милый* и *мой*, которые позволяют получить «хороший» вокатив из «плохого»: *Друг мой!* (но не [?]*Друг!*, ср. «хороший» вокатив при обращении к множественной аудитории *Друзья!*); *Дорогие москвичи!*; *Уважаемые члены ученого совета!*; *Дорогие мои бывшие члены кооператива!* (из кинофильма «Гараж»).

Образование вокативных формул с *мой*, *дорогой* и *уважаемый* ставит следующие вопросы. Поскольку при добавлении слов *мой*, *дорогой* и *уважаемый* к имени возникает более чем однословная именная группа, то возникает вопрос, подвержены ли вокативы этого типа сдвигу акцентоносителя влево? И второй вопрос: что происходит при присоединении вокативных слов *дорогой* и *уважаемый* к «хорошим» вокативам, т.е. к таким лексемам, которые изначально предназначены для вокативной роли, например, *Вася* или *Марья Ивановна!*? Напомним, что первоначально мы предположили, что слова

дорогой и *уважаемый* специально используется для образования вокативов из слов, не имеющих вокативного потенциала.

Когда лексемы *уважаемый* и *дорогой* служат специальным средством образования вокатива, соответствующие обращения следуют принципам сдвига акцентоносителя. Ср., например, акцентный сдвиг в настойчивых просьбах: ***Уважаемые*** пассажиры, не ***забывайте*** свои вещи!. Вне контекста просьбы акцент в именной группе с препозитивным согласованным определением был бы на синтаксической вершине *вещи*. Призыв ***Уважаемые пассажиры!***, правда, несколько выходит за рамки официальной просьбы, передаваемой по каналу вещания в поездах, но тем не менее в Москве на некоторых линиях метро диктор произносит эти слова именно таким неформальным тоном отеческого совета. Обратимся к другому примеру из радиорекламы: ***Дорогие радиослушатели, спешите*** сделать правильный выбор!. Заметим попутно, что в этом примере акцентному сдвигу влево подвергается не только обращение, но и следующий за ним императив.

Так обстоит дело с формированием обращений в контексте лексем, которые сами не образуют вокативных форм. Что же происходит в контексте имен, которые, наоборот, изначально предназначены для использования в функции обращения? К именам собственным, терминам родства и другим типичным обращениям вокативный эпитет *дорогой* тоже регулярно присоединяется. В каких случаях мы говорим *Дорогой Вася!*, а не просто *Вася!*?

Обращение ***Дорогой Вася!*** с подъемом частоты основного тона на *дорогой* и падением на *Вася* используется в специальной функции зачина официального обращения. Говорящий готовится сделать сообщение и объявляет об этом слушающему: *Дорогой Вася! Позволь поздравить тебя с получением Государственной премии!; Многоуважаемый Павел Константинович! Вы крупный ученый с мировым именем. Вы член-корреспондент...* (из кинофильма «Гараж»). Другие иллокутивные функции – упрека, зова – для подобных структур с *дорогой* уже нехарактерны. Соответственно, нехарактерны для них и сдвиги акцента «влево»: ****Дорогой Вася, ну пойдём же!*** Здесь следует сказать просто *Вася!*

Итак, прилагательные *дорогой* и *уважаемый* – это мощный «вокативизирующий» контекст для лексем, которые не предназначены для употребления в роли вокатива. Словосочетания с *дорогой* употребляются в разнообразных вокативных функциях, сопровождаются разнообразными просодиями и при необходимости меняют акцентоноситель. Между тем, из «хорошего» вокатива эти прилагательные образуют

официальные обращения и поздравления. В других функциях такие сочетания уже не используются и сдвига акцента на *дорогой* не допускают.

Далее. Стандартное средство образования вокатива, который одновременно служит для выражения чувств говорящего по отношению к слушающему, – это присоединение местоимения *мой* к лексемам со значением свойства или носителя свойства (*красавица моя, крошка моя, сладкий мой, полосатый мой*), метафорическим употреблением абстрактных существительных (*горе мое, моя радость, счастье мое, мой свет, мой пушок*), именованию флоры и фауны (*березка моя, рыбка моя, птичка моя*). Это очень продуктивная модель, иллюстративную силу которой можно представить как вокатив умиления.

Местоимение *мой* также образует стандартные политесные вокативы и вне контекста умиления, если семантика синтаксической вершины не имеет характеризующего значения и не включает в себе метафоры: *друг мой, дочь моя, сын мой*. Однако такую модель уже нельзя назвать продуктивной. Это устаревающая модель: мы не говорим *мать моя, мама моя, внук мой*, если только обращение не содержит в себе оттенка умиления: *внучок мой, лапочка!*.

Вокатив умиления включает в себе интересную задачу для лингвиста, которая состоит в особых просодических свойствах местоимения *мой*. Обратимся для сравнения к обращениям с местоимением *ваш*, которое, правда ограниченно, фигурирует в титульных обращениях: *Ваша честь!, Ваше святейшество!, Ваше благородие!; Ваше высокопреосвященство!*. В режиме ближнего общения местоимение *ваш* реализует модель со сдвигом влево, т.е. с акцентом на местоимении: ***Ваша* честь, у защиты вопрос к свидетелю**. Напомним, что базовый выбор – вне вокатива – требовал бы здесь ударности словоформы *честь*: *На карту поставлена ваша **честь***. Таким образом, контекст местоимения *ваш* допускает сдвиг акцента влево на *ваш*. Местоимение же *мой* ведет себя иначе. Сравним: ***Солнышко* мое, ну как же так?!** vs. ****Мое* солнышко, ну как же так?;** ***Моя радость*, ну как же так?!** vs. ****Моя* радость, ну как же так?!;** ***Доченька* моя, ну как же так?!** vs. ****Моя* доченька, ну как же так?!** Таким образом, в обращениях местоимение *мой* практически всегда фигурирует безакцентно.

Акцентирование местоимения *мой* возможно только в исходе рамочных структур, как в ***Миленький ты мой***, где на *миленький* фиксируется подъем, а на *мой* – падение. Эти структуры представляют собой особый контекст. Кроме того, в составе обращений *мой* имеет тенденцию к расположению на втором месте в позиции Ваккернагеля: *друг мой; солнышко мое; милая моя; ясное мое солнышко; солнышко мое ясное; горюшко мое; горе*

мое луковое. Это служит дополнительным свидетельством склонности местоимения *мой* к клитизации.

Итак, в отличие от *ваш* местоимение *мой* имеет сильную тенденцию к безакцентному употреблению. Это словарное свойство местоимения *мой*. Гипотеза, объясняющая это свойство местоимения *мой* состоит в следующем. Местоимение *мой* – это высокочастотный компонент обращений. Аналогичный механизм преобразования староиспанского обращения *Vuestra Merced*, давшего современное *usted*, Вяч. Вс. Иванов [2004] объясняет «статистически обусловленным изнашиванием самых употребительных слов языка». Мы предполагаем, что местоимение *мой* в обращениях тоже имеет тенденцию к «безударной» – стертой – артикуляции.

3. Порядок слов в обращениях, выражающих чувства говорящего

Рассмотрим обращения, которые реализуются с двумя акцентными пиками, – в начале и в конце обращения, т.е. с двумя акцентоносителями: *Горе ты мое луковое!* с подъемом частоты основного тона на словоформе *горе* и падением на словоформе *луковое*; *Ясное ты мое солнышко!* с подъемом на *ясное* и падением на *солнышко*; *Дубина ты стоеросовая!* Для таких обращений характерна дислокация – расщепление атрибутивной именной группы с помещением других словоформ, если они есть, в образовавшуюся нишу. Так, в исходной структуре *Ты мое ясное солнышко!* фрагмент *ясное солнышко* разрывается, словоформа *ясное* помещается в начало, *солнышко* – помещается в исход, а словоформы *ты* и *мое* располагаются в разрыве между словоформами *солнышко* и *ясное*: *Ясное ты мое солнышко!*. Дислокацию может также сопровождать и инверсия, при которой определение *ясное* и синтаксическая вершина *солнышко* меняются местами: *Солнышко ты мое ясное*; ср. также *Горе ты мое луковое!*

Рассмотренные вокативные типы русского языка показывают, что иллокутивная сила обращения, как правило, не реализуется в чистом виде, а соединяется с другими иллокуциями – упреком, угрозой, стремлением докричаться, остановить уходящего, найти в толпе, выразить чувства. Анализ просодии и сегментных средств образования обращений показывает, что в обращениях базовые принципы выбора акцентоносителя и слога-носителя акцента могут нарушаться, и тогда синтаксический принцип выбора акцентоносителя в синтагме уступает место линейному, а безударные слоги получают

преимущество перед ударными. Это существенно расширяет наши представления о структуре языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. М.: Языки русской культуры, 2004.
- Ковтунова И.И.* Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986.
- Кодзасов С.В.* Просодия обращений // Язык: изменчивость и постоянство. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 1998. С. 149-163.
- Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М. 1956.
- Панов М.В.* Современный русский язык. Фонетика. М. 1997
- Русская грамматика Т. 2, М.: Наука, 1982.
- Светозарова Н.Д.* Акцентно-ритмические инновации в русской спонтанной речи // Проблемы фонетики. 1993. Вып. I. М.
- Янко Т.Е.* Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. Языки русской культуры. 2008.
- Corbett G.* Determining morphosyntactic feature values: the case of case // Case and grammatical relations. Oxford. 2007.
- Daniel M., Spencer A.* (to appear) Vocative: an outlier case // A. Malchukov and A. Spencer (eds). Handbook of case. Oxford University Press.
- Pierrehumbert J.B.* The Phonology and Phonetics of English Intonation. PhD thesis. MIT. 1980.
- Rathmayr R.* Nominale Anrede im gesprochenen Russischen, Serbokroatischen und Tschechischen. In: Reuther, T. (Hrsg.): Slavistische Linguistik 1991, Slavistische Beiträge, 292, München 1992.
- Schegloff, E.A. Notes on a conversational practice: formulating place// P.P. Giglioli (ed.) *Language and social context*, Harmondsworth: Penguin, 1972.
- Schegloff, E.A. Sequencing in conversational openings // *American anthropologist* 70.6. 1968.
- Spencer, Otaguro 2005 — Spencer A., Otaguro R. Limits to case: a critical survey of the notion // Mengistu Amberber and Helen de Hoop (eds.) *Competition and variation in natural languages: the case for case*. Amsterdam: Elsevier. 2005.
- Yadroff M. Modern Russian Vocatives: a Case of Subtractive Morphology // *Journal of Slavic Linguistics*. 1996. Vol. 4.

Zwicky A. Hey, whatyourname! // Papers from the Tenth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society. Chicago: Chicago Linguistics Society, 1974. P. 787-801.